

Ханс-Отто Кляйнманн

Атлантическое пространство как проблема европейской системы государств

Нейтрализация конфликта между коммунистической и капиталистической системами, конец конфронтации двух блоков и возвращение к нормальным межгосударственным взаимоотношениям повлияли и на дальнейшее развитие исторической науки. На волне разрушения биполярного мира и политической борьбы за установление нового мирового порядка – „New World Order“ (Президент Буш ст., 1991 г.) – все большую значимость в глазах историков вновь стали обретать такие явления и понятия, как концепция государства, внутренняя и внешняя политика, межгосударственные отношения. А ведь еще совсем недавно – в атмосфере кажущейся стабильности и непоколебимости мирового порядка, выстроенного на базе идеологической конкуренции двух систем и так или иначе поддерживаемого ядерного равновесия, – интерес к ним был явно утрачен. Помимо таких направлений исторической науки, как структурная, социальная, классовая история, вновь претендует на самостоятельность и история международных отношений¹. При этом особый историографический интерес исследователей привлекает европейская система государств и ее структурные изменения, происходившие на различных этапах эпохи Нового Времени, начиная с ее истоков, переходя затем к «пентархическому концерту» и образованию мировой системы империалистических государств вплоть до краха старой Европы в период мировых войн 20-го века и её «реинкарнации» благодаря процессу европейской интеграции. Одновременно очевидным и общепризнанным стал тот факт, что изучать и описывать историю европейской системы государств (а здесь необходим комплексный подход с учетом тесной

¹ Ср.: W. Loth, J. Osterhammel (Hrsg.), *Internationale Geschichte. Themen-Ergebnisse-Aussichten*, München 2000.

структурно-функциональной взаимосвязи экономических, технологических и политических процессов) имеет смысл лишь опираясь на широкую эпохальную перспективу и крупный, не ограниченный рамками даже одного континента масштаб. Историки должны прислушаться сегодня к призыву Гобсбауна²: в конце первого постъевропейского столетия всю историю Европы, начиная с Колумба, следует пересмотреть и переосмыслить как историю отдельного региона и одновременно как часть истории земного шара. Влияние атлантического судоходства и торговли, трансатлантических колоний и различных политических образований на международные отношения, государственную систему и внешнюю политику Европы начали привлекать исследовательский интерес историков еще в первые десятилетия 19-го века – о чем свидетельствует ставший классическим труд Геерена «История европейской системы государств и ее колоний». К сожалению, необходимо признать, что многое при этом до сих пор остается неучтенным, неясным, не удостоенным должного внимания. Во всяком случае, пока историческая наука весьма далека от создания некоей общей картины политического симбиоза Атлантики и Европы. Историки анализируют прошлое с позиций современной им действительности и исходят прежде всего именно из ее опыта. Этим как раз объясняется, почему во времена больших переломов и смены парадигмы политических структур попытки синопсиса, рассмотрения общих тенденций и закономерностей, равно как и интерес к комплексным политическим процессам и историко-географическим взаимосвязям, становятся особенно актуальными. Так, например, в турбулентные 40-е, особенно в период между образованием Атлантической Хартии и НАТО, появилось много исследований по нашей тематике. Помимо работ англичанина Г. Хейла Беллота³ (1946) и американца Майкла Крауса⁴ (1949), нужно упомянуть и труды Людвига Дегио⁵ (1948) и Жака Годжо⁶ (1947). Дегио, например, рассматривает борьбу между двумя противоположными принципами – принципом гегемонии и равновесия – как организующие «механизмы европейской истории», а француз Годжо отдает

² E. Hobsbawm, *Wieviel Geschichte braucht die Zukunft*, München 1998, S. 287.

³ "History" 21 (1946), p. 56-63.

⁴ *The Atlantic civilization: 18th century origins*, Ithaca 1949.

⁵ *Gleichgewicht oder Hegemonie. Betrachtungen über ein Problem der neueren Staatengeschichte*, Krefeld 1948.

⁶ *Histoire de l'Atlantique*, Paris 1947.

приоритет в международных отношениях роли атлантического пространства. Политике Англии и США, направленной на атлантическую гегемонию, он противопоставляет пример Франции с ее «гибридной» по своей структуре внешней политикой, одновременно состоящей из атлантико-морских и европейско-континентальных устремлений и интересов. То, что комплекс взаимоотношений между политикой равновесия и гегемонии, как и прежде, служит основой для анализа международной системы со всеми ее перипетиями и коллизиями, особенно когда основной акцент делается на изучении транснациональных взаимозависимостей⁷, доказывает фундаментальная работа Пола Кеннеди⁸, вышедшая в конце 80-х годов. Высказанный в ней тезис об экономической перегрузке держав-гегемонов новейшего времени, вызванной необходимостью удерживаться на плаву в потоке экономических изменений с помощью авторитарно-политических и военных средств, нашел реальное подтверждение в истории краха Советского Союза, хотя, если принимать этот тезис как непреложный, то в ближайшее время упадок – в условиях современного миропорядка, постепенно принимающего все более мультиполярный характер, – ждет такую гегемониальную державу, как США.

Изучая историю европейской государственности, место и роль, которые в разное время Европа занимала в мировой политике, историк-политолог действительно может найти множество точек соприкосновения с актуальными процессами нашего времени, что, несомненно, поможет ему в его выводах и теоретических выкладках относительно них. Это, в частности, касается и рассматриваемой здесь темы. Трансатлантические отношения между Европой и США, или отношения в «атлантическом треугольнике»⁹, если включить сюда и Латинскую Америку, в настоящее время одна из наиболее часто затрагиваемых и в политике, и в науке проблем – особенно с момента окончания господства коммунистического режима, насаждаемого Советским Союзом в восточной части европейского континента, после чего началось обретение ею своей, некогда утраченной, европейской самобытности. Одновременно это означает, что благодаря

⁷ W.L. Bühl, *Transnationale Politik. Internationale Beziehungen zwischen Hegemonie und Interdependenz*, Stuttgart 1978.

⁸ *Aufstieg und Fall der großen Mächte. Ekonomischer Wandel und militärischer Konflikt von 1500 bis 2000*, Frankfurt 1989; на англ.: New York 1987.

⁹ В качестве введения в проблематику: W. Grabendorff, R. Roett (Hrsg.), *Lateinamerika-Westeuropa-Vereinigte Staaten: Ein atlantisches Dreieck?*, Baden-Baden 1985.

перераспределению сил и центров тяжести после 1990-го года Европа вновь обрела свою исторически двойственную – т. е. атлантически-континентальную – позицию, выступая как своеобразная западная «оконечность Азии» (Раймонд Арон). Весь ход событий истории Нового Времени, начиная с Века Великих Географических Открытий, позволяет сделать выводы о прямой зависимости судьбы Европы от Атлантического Океана. Борьбу за господство и паритет в атлантическом пространстве вели не только отдельные западноевропейские государства. Вся европейская цивилизация вообще была направлена к Атлантике, можно сказать, рвалась к ней, чтобы прежде всего обеспечить себя сырьем и благородными металлами, получить доступ к ресурсам, необходимым ей для ее государственного и культурного развития. Экспансия, таким образом, является признаком и проблемой всей европейской системы государств. Поэтому цель данной работы – показать политические взаимоотношения атлантического пространства и европейской системы государств с точки зрения их внутренней структуры и их исторического развития вплоть до нашего времени, представить их в виде обзорного наброска, охватив период от трансатлантических открытий до появления уже в наши дни концепции так называемого Нового Атлантизма. При этом условимся, что понятие «система» мы, не стремясь создать какой-либо сложной теоретически обоснованной модели, будем рассматривать в рамках общепринятого определения – т. е. как организованную взаимосвязь между самостоятельными единицами в некой экономической, культурно-технологической и политической среде, неразрывно связанной с этой системой и постоянно порождающей внутри нее проблемы – т. е. вызывающей внутрисистемные реакции, или ответные действия. В историческом понимании под системой европейских государств следует понимать – говоря еще более конкретно – стабильное сообщество четко отграниченных друг от друга, но при этом друг от друга зависимых политических единиц, взаимодействующих между собой более или менее длительное время и в соответствии с теми или иными правилами в качестве соперников-конкурентов. Пространство в данном случае – заметим, не вдаваясь в подробности, – понимается не в географическом, а в геоисторическом смысле и рассматривается (избегая соображений геояридического толка в духе Карла Шмитта¹⁰ или геополитического, предста-

¹⁰ *Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Ius Publicum europaeum*, Köln 1950; См. также рецензию на эту работу: H. Rumpf, „Der ‘Nomos der Erde’ und der Geist des Völkerrechts“: Archiv des Völkerrechts 4 (1953/54), S. 189–197.

вленного немецкой школой¹¹) как политическая история некоей большой области Земли.

Изложение проблемы необходимо начать с констатации очевидного факта, аксиомы: развитие европейской системы государств и европейская экспансия в атлантическое пространство начались одновременно, в одном и том же временном контексте. Можно ли говорить тогда о взаимовлиянии двух этих процессов? Каким структурным изменениям были подвержены их взаимоотношения на протяжении всей их дальнейшей истории? Как в результате сложилось политическое соотношение между европейской системой государств и атлантическим пространством на фоне глобального сращивания всего мира, так называемой глобализации?

Освещение этих проблем в настоящей работе мы начинаем с рассмотрения ситуации, сложившейся во времена испанского господства, суть которой можно было бы выразить в ключевой фразе «От Средиземноморья к Атлантике» (I). Затем следует краткий обзор процесса, шедшего в 18-м и 19-м веках и определенного нами как «Европеизация атлантического пространства» (II). В заключительной части речь идет о международной политике после краха классической европейской системы государств, суть которой – процесс «Атлантизации» Европы (III).

I. В настоящее время широкой известностью пользуется термин, или формула, «средиземноморская Атлантика» (вариант: «Атлантическое Средиземноморье»), введенный в обиход Фернандом Броделем¹² и Пьером Шоню¹³ для описания начала европейской экспансии. Во Франции, как раз расположенной между двумя этими ключевыми морскими пространствами – Средиземноморским и Атлантическим, появление такого взгляда представляется вполне естественным. Речь идет о морском пространстве, омывающем страны Магриба, Канары, Азоры и Мадейру – т. е. «острова Старого Света»¹⁴, которое с древнейших времен находилось в тесной структурной связи со всем миром Средиземноморья. В конце 15-го века это морское пространство функционировало не

¹¹ Ср.: J. Osterhammel, „Die Wiederkehr des Raumes: Geopolitik, Geohistorie und historische Geographie“: *Neue Politische Literatur* 43, Frankfurt/Main 1998, S. 374-397.

¹² *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*, Paris 1966, I, p. 204 ff.

¹³ *L'Amérique et les Amériques*, Paris 1964, p. 59 f.

¹⁴ Там же, С. 59.

только как «школа» для открытия и покорения Америки (по словам Броделя¹⁵), но и выполняло роль своеобразного «фойе»¹⁶ для экономического и культурного обмена между Средиземным морем и Новым Светом.

12 октября 1492-го года Колумб открыл остров Гуанакано, принадлежащий к группе Багамских островов, – и тем самым Атлантический Океан обрел свой противоположный берег. Выражаясь точнее, с момента открытия Америки началась, сначала, правда, медленно и постепенно, трансформация океанического моря (*mar oceano*) в атлантическое пространство. В 16-м веке, словно мощная насосная система, весь этот процесс стимулировала Вест-Индия, *carrera de Indias*, локализованная между 15-м и 35-м градусами северной широты, – по сути, она была первой трансатлантической коммуникационной структурой, и Шоню назвал ее «Атлантической Севильей»¹⁷. Представители сложившейся во Франции структурно-исторической школы указывали в своих работах на существование в период раннего Нового Времени многих атлантик, хотя и связанных между собой, но развивавшихся в виде самостоятельных пространственных систем вполне автономно, слияние которых происходит лишь в первой половине 18-го века. К числу таких автономных систем относят, например, испано-вест-индскую и португальскую Атлантику (*portuguese network*)¹⁸ или Атлантику работорговли и плантационного хозяйства, равно как и «тресковую» Атлантику (подчиненную промыслу трески), расположенную между Исландией и берегами Ньюфаундленда и Новой Франции, – все они отличались друг от друга, в частности, и с точки зрения своего политического соперничества, и своих взаимоотношений с системой европейских государств. В 17-м веке после успешного образования Новой Англии и Новой Голландии в Америке и в Европе сложились два почти симметрично расположенных друг против друга атлантических фронта, сросшихся благодаря тесным поперечным взаимоотношениям в некое единство – Новое Средиземноморье. В историографии европейской части этого пространства явно не хватает труда, подобного исследованию

¹⁵ F. Braudel, *La Méditerranée ...*, p. 205

¹⁶ C. Delmas, *Le monde atlantique*, Paris 1965, p. 5.

¹⁷ *Séville et l'Atlantique, 1504–1650*, Paris 1957 ff, и *Économie atlantique, économie mondiale (1504–1650). Problèmes de fait et de méthode: Cahiers d'Histoire mondiale 1* (1953), p. 91–104.

¹⁸ D.W. Meinig, *The Shaping of America. A Geographical Perspective on 500 Years of History*, vol. 1: *Atlantic America, 1492–1800*, New Haven/London 1986, p. 60; к вопросу о „португальской Атлантике“: F. Mauro, *Le Portugal et l'Atlantique au XVIIe siècle, 1570–1670. Étude économique*, Paris.

Д.Ф. Майнинга¹⁹, в котором он, используя геоисторический подход, блестяще описал процесс формирования атлантической Америки. По аналогии с разграничениями внутри атлантического пространства историческая наука могла бы выделить несколько сложившихся в раннее Новое Время и на какой-то период накладывающихся друг на друга региональных систем государств и в самой Европе: западно-атлантическому центру с рано сформировавшимися «национальными государствами» – Португалией, Испанией, Францией, Англией и Голландией – противостояла континентальная система, по существу, периферия атлантического пространства, связанная с ним лишь опосредованно, в то время как в Средиземноморье и на Севере Европы вокруг Северного и Балтийского морей складывались промежуточные, полупериферийные политические группировки государств. Что касается всей европейской системы государств в целом, то политические последствия открытия и завоевания Америки первыми «атлантическими» поколениями европейцев ограничились лишь Португалией и Кастилией/Арагоном, т. е. Испанией. Именно эти страны с середины 15-го века были охвачены экспансионными устремлениями и первыми вступили в атлантическую конкуренцию друг с другом. С политической точки зрения атлантическая экспансия сначала отразилась на конкурентных отношениях между государствами Европы лишь в том плане, что владельцы заокеанских областей получили доступ к новым источникам власти, в частности, особым ресурсам, что способствовало внутренней централизации власти в этих странах, а также распространению их влияния вовне. Отношения между Испанией и Португалией и принятые ими двусторонние правила их урегулирования, особенно относительно обоюдных атлантических интересов, изучены и изложены в историографии достаточно хорошо²⁰. Установление демаркационных линий в Атлантике в соответствии с определенными градусами широт и долгот и привлечение к разрешению проблемы Папы Римского, выдававшего эксклюзивные мандаты на господство и полноправное владение как уже открытых, так еще и неведомых земель в Океане, должно было закрыть атлантическое пространство для других государств. Эта претензия на исключительное господство, обоснованная положениями испа-

¹⁹ Там же.

²⁰ Ср. также библиографию в следующих изданиях: A. García-Gallo de Diego, *Las bulas de Alejandro VI sobre el Nuevo Mundo descubierto por Colón*, Madrid 1992; *El Tratado de Tordesillas* (ed. por el Banco Bilbao Vizcaya (Madrid 1993); *Actos del Congreso Internacional de Historia sobre el Tratado de Tordesillas y su Época*, 3 vols., Valladolid 1995.

но-португальских договоров, папской инвеститурой и апелляциями к фактам совершенных открытий, распространялась, хотя юридически это и не оговаривалось отдельно, также и на океан как таковой. Возможность изолированного от участия других государств, чисто «иберийского» решения вопроса лишней раз подтверждала тот факт, что система государств Европы находилась в начальной стадии своего формирования. В любом случае, остальные ее участники – по причине своей технологической и организационной отсталости – еще по крайней мере в течение полувека не были в состоянии проявлять экспансию, участвовать в колонизации Нового Света и контролировать океаническое пространство, как бы они к этому ни стремились. Правда, папские правооснования на колониальную монополию они с самого начала в корне оспаривали и никогда не признавали.

Такова была – если представлять ее в очень сжатом виде – исходная расстановка сил в истории развития отношений Европы и Атлантики. Европейская система государств начала развиваться по цепной реакции, которая была вызвана иберийскими завоеваниями атлантического пространства и привела к обострению конкуренции между западноевропейскими государствами в борьбе за морское и колониальное господство. Ее главным и долгосрочным последствием стала «полная перестройка всей системы государств»²¹. Политический и экономический центр Европы переместился, таким образом, от континентальной середины в атлантическое пространство. В течение всего нескольких десятилетий произошло смещение основной европейской торговой и миграционной оси в направлении Восток-Запад. Старая ось, ориентированная на Север-Юг, будучи определяющей в Средние века, теперь утратила свое значение. Центральноевропейские регионы, бывшие когда-то ключевыми (Верхняя и Средняя Германия, Богемия, Верхняя Италия), переживали упадок, в то время как вдоль Восточно-Западной оси мощно заявляли о себе новые политические игроки (Швеция, Бранденбург). Ни один политический конфликт в Европе не мог быть теперь решен вне Западного полушария. Конкурентная борьба за господство в Америке и Атлантике стала причиной перераспределения силовых полей и экономических зон в Европе и провела новые незримые разграничительные линии, направление которых в первую очередь определялось возможностью доступа к Атлантическому центру. С этой точки зрения структура европейских государств, сложившаяся в пе-

²¹ W. Windelband, *Die auswärtige Politik der Grossmächte in der Neuzeit von 1494 bis Versailles*, Darmstadt 1964; впервые: Essen 1942, S. 31.

риод Нового Времени, есть не что иное, как результат открытия Америки.

В то время как одна из держав-первооткрывательниц, Португалия, занимавшая монологическую (одностороннюю), т. е. только атлантическую, позицию, находясь в стороне от внутриевропейских конфликтов, спокойно преследовала свои интересы в Бразилии, Африке и на Дальнем Востоке, совсем по-другому обстояли дела с Испанией. Ее двойная роль – в качестве европейской (прежде всего благодаря арагонским и бургундским владениям) и в качестве атлантической державы – втянула испанскую монархию в самый центр международных конфликтов и коллизий. Не случайно история международных отношений называет Испанию первой державой-гегемоном формирующейся в то время европейской системы государств. Монополистское положение испанцев в атлантическом пространстве, длившееся примерно полтора столетия после открытия Америки, выражалось в политике четко соблюдаемого разделения атлантического колониального пространства от Европы. Проблема разграничения обеих сфер в высшей степени показательна для всего комплекса рассматриваемых нами вопросов. В дипломатических документах периода между мирным договором в Кото-Камбресисе 1559-го года и вступлением Франции в войну с Испанией в 1634-м году можно – хотя и не так часто, но тем не менее вполне отчетливо – встретить такое понятие, как «линии дружбы», проходящие в соответствии с испано-португальскими договорами о разделе колониальных владений вдоль северного Тропика Рака и меридиана Гиерро (предшественник Гринвича) и определяющие зону действия межгосударственных европейских договорных обязательств. Не будем обсуждать здесь значение этих линий с точки зрения международного права. Следует, однако, согласиться с Греве²², заметившим, что в понятии «линии дружбы» многие историки пытаются увидеть смыслы, на самом деле ему не свойственные. Среди прочих выделяются концепции Адольфа Райна²³ и Карла Шмитта²⁴. Райн считал²⁵, что речь шла о демаркационных линиях «между правовой сферой европейской системы государств и свободной сферой господства власти и силы, сферы

²² W. Grewe, *Epochen der Völkerrechtsgeschichte*, Baden-Baden 1984, S. 192.

²³ К истории международных демаркационных линий между Европой и Америкой: A. Rein, *Europa und Übersee. Gesammelte Aufsätze*, Göttingen 1961, S. 67–80, и он же: *Über die Bedeutung der Überseeischen Ausdehnung für das europäische Staatensystem*, Darmstadt 1953, S. 24–41.

²⁴ *Der Nomos* (см. примечание 10).

²⁵ *Über die Bedeutung* (см. примечание 23), S. 31.

борьбы, захватов, добычи, ничем не сдерживаемых территориальных расширений и завоеваний в заокеанском мире» (разве в самой Европе не было ничего подобного?); Шмитт же²⁶ расценивал «линии дружбы» как разграничение некоего «свободного, т. е. свободного от правовых норм, пространства как четкой противоположности пространству старому, т. е. Старому Свету с господствующими в нем старыми правовыми нормами». Ни то, ни другое не было верно. На самом деле ключ к правильному пониманию выражения «линии дружбы» (*amity lines*) следует искать в эпохе господства Испании: именно в тот период она установила контроль над Вест-Индией и прилегающим к ней атлантическим пространством, т. е. наделила весь регион суверенным статусом, тем самым выделив его из общей правовой международной системы. Любая коммерческая деятельность и основание торгово-промышленных представительств другими державами не регулировались здесь никакими межгосударственными мирными договорами («договорами о дружбе»), а, наоборот, объявлялись незаконными и подвергались штрафным санкциям. Пока испанцы действительно могли эффективно осуществлять этот контроль, французы и англичане, характеризуя состояние *no peace beyond the line* («нет мира за линией»), оперировали понятием „линии дружбы“. Оно исчезло сразу же после 1630 года, когда Испания утратила свою власть на международной арене²⁷. Мадридский мирный договор, заключенный в том году между Испанией и Англией, был первым соглашением, действие которого распространялось и «по ту сторону линии». Таким образом, был создан прецедент, на который во второй половине 17-го столетия ориентировались другие договоры Испании – с Голландией и Францией. По условиям Вестфальского договора Голландия получала право на свободу судоходства и торговли, по Гаагскому договору 1667 года это право получала Англия, а в 1684 – Франция. Договоры второй половины 17-го века, кроме того, узаконивали де-факто захваты территорий в Америке (так, например, Рисвикский мирный договор 1697 года подтверждал переход Гаити к Франции) или же закрепляли эксклюзивные торговые привилегии (например, асьенто). Испанская политика больше не могла поддерживать четкое разграничение европейских и трансатлантических коллизий. Атлантика превратилась «в большой пролив между двумя континентами»²⁸.

²⁶ *Der Nomos* (см. примечание 10), S. 67.

²⁷ Grewe, *Epochen*, (см. примечание 22), S. 288.

²⁸ L. von Ranke, *Englische Geschichte, vornehmlich im siebzehnten Jahrhundert*, Meersburg 1937; впервые: Berlin 1859, Bd. 2, S. 499.

Таковы были первые опыты систематизации отношений между европейской системой государств и атлантическим пространством. Двойственная континентально-атлантическая позиция Испании при этом неминуемо сходилась на нет. Все кончилось разделом испанской монархии в начале 18-го века в ходе войны за испанское наследство. Краткий вывод: лишь с завершением монополии испанской власти (этот процесс начался еще в период 30-летней войны) европейская система государств приняла свои современные очертания. При этом усилившиеся другие европейские державы обеспечивали себе долю в господстве над атлантическим пространством, совершая трансатлантические колониальные захваты. Уже во время 30-летней войны начинается бешеный рост множества торговых компаний, основанных на спонтанно захваченных территориях. Подгоняемые меркантильными устремлениями, правительства европейских держав яростно перехватывали друг у друга инициативу – даже Бранденбург принимал участие в этой борьбе. Естественно, что количество зон международных конфликтов и противостояний увеличилось. Испания находилась в положении «все против одного»: Франция, Англия, Голландия и Дания постоянно объединялись в различные коалиции, носящие антииспанский характер²⁹. В период турбулентных изменений в атлантическом пространстве, когда установленный Испанией мировой порядок сходил на нет, а новый еще находился в стадии становления, начался доселе небывалый расцвет пиратства. В процессе политической дифференциации тех десятилетий был также разрешен спор о свободе морей, который велся в дипломатии начиная с 16-го века. В 18-м веке свобода морей становится таким же всеобщим принципом международных отношений, как и захват территорий в качестве правооснования для получения их в собственность. Подводя итог характеристике той эпохи, необходимо подчеркнуть, что длившееся несколько столетий соперничество за доступ к атлантическому пространству, его использование и владение отдельными его частями не только повлияло на возникновение европейской системы государств, но также постоянно определяло ее структуру, основной характер которой все же по-прежнему оставался континентальным³⁰. Его окончательная переориентация происходит лишь в 18-м веке.

²⁹ Kennedy, *Aufstieg* (см. примечание 8), стр. 109 и далее.

³⁰ J.H. Elliott, *Die Neue in der Alten Welt. Folgen einer Eroberung, 1492–1650*, Berlin 1992; на англ.: 1970, S. 76 и сл.

II. То новое, что привнесла в международную политику война за испанское наследство (своего рода основной итог этой войны), было изменение роли, которую играли происходящие в атлантическом пространстве процессы в развитии континентальной Европы. Теперь эта роль становилась все более доминирующей и значимой. Международные отношения в обеих сферах стали функционально взаимозависимы. Пришла пора, как пишет Геерен, когда конфликты в колониях стали провоцировать войны в Европе³¹. Здесь же можно еще вспомнить слова Вильяма Питта старшего о том, что Америку теперь завоевывают на полях Германии. Очевидные параллели и зависимость между конфликтами по эту и по ту сторону Атлантики – 1739/40, 1756, 1770/71, 1776 гг. – лишь один из аспектов глубочайших изменений, произошедших в структуре европейской системы государств.

Тогда же отмечается рост стабильности и укрепление межгосударственных отношений, развивавшихся вне «мобилизирующих общественные силы антагонизмов»³². Складывается классическая модель мировой системы государств. Ее элементы определяли свою позицию в соответствии со своим рангом и своими интересами по отношению друг к другу, тем самым делая эту позицию политически более предсказуемой.

Атлантика же образовывала внутри этой складывавшейся системы собственное международное силовое поле со своими гравитационными центрами, сконцентрированными в первую очередь вокруг крупных атлантических держав, конфронтация между которыми усиливалась одновременно с процессом расширения их заокеанских территорий – прежде всего в Америке. С геополитической точки зрения эта область простиралась от Ньюфаундленда до Фолклендских островов, образуя некое единство, своеобразное «Новое Средиземноморье».

Произошедшие в атлантическом пространстве изменения находят отражение даже в самых незначительных (во всех отношениях) эпизодах дипломатической истории того периода. В качестве примера можно привести один такой эпизод, когда Генеральные штаты (нидерландский парламент) в 70-е годы протестовали против использования Испанией морского пути вдоль Мыса Доброй Надежды (начавшегося после основания

³¹ A. Herrmann, L. Heeren, *Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems und seiner Colonien*, I, Göttingen 1830, S. 263.

³² A. Oslander, „Interdependenz der Staaten und Theorie der zwischenstaatlichen Beziehungen. Eine theoriegeschichtliche Untersuchung“, *Politische Vierteljahrsschrift* 36 (1995), 2, S. 243–266, здесь: S. 255.

Филиппинской Торговой Компании), пикантнейшим образом ссылаясь при этом на буллы Александра VI³³. Курьез, в котором, тем не менее, четко отразились изменения, произошедшие на международной арене 18-го века. Примерно с середины того же 18-го века в политике, экономике, равно как и в сознании людей того времени, в качестве целостной «картины мира» начинают вырисовываться контуры интегрированной системы государств, охватывающей европейские страны и Атлантику. Документально эти процессы закреплены во многочисленных «атлантических» соглашениях, заключенных в рамках мирных договоров 18-го столетия, ставших основой позитивного договорного права *Droit public de l'Europe*. В международное право включаются ставшие сегодня уже традиционными институты, сложившиеся именно в атлантическом пространстве: это нейтральная свобода торговли, вооруженный нейтралитет, право репрессалий (ответных мер) и каперства (захват судна), монополии на торговлю и судоходство, береговые и морские границы, а также – после прецедента США – признание новых трансатлантических государственных образований.

Новое обоснование получило и представление о международном равновесии, с середины 17-го столетия служившее организующим принципом международной политики, – теперь уже в более широком масштабе атлантического пространства³⁴.

Модель мирного равновесия в 18-м столетии – несмотря на происходящее перераспределение сил – была поначалу однозначно европейской (опиралась на европейский приоритет).

Осознание того, что мировая международная система может или должна быть океанской, сконцентрированной вокруг Атлантики, зарождалось в умах людей того времени под влиянием истории англо-французского противостояния.

Это противостояние Англии и Франции, длившееся в период между эпохой Людовика XIV (Кольбера) и эпохой Наполеона, т. е. примерно между 1680 и 1815 годами, функционировало (напоминая, кстати, конфликт между Западом и Востоком, т. е. капиталистическим и социалистическим лагерями в 20-м веке)

³³ Ср.: *Holländische Note an Spanien vom 23.8.1786*, в: *Berichte der diplomatischen Vertreter des Wiener Hofes aus Spanien in der Regierungszeit Karls III.* (hrsg. von H. Juretschke), Bd. 10, Madrid 1982, S. 432-434.

³⁴ Ср.: K. Reppen, „Der Westfälische Friede und die Ursprünge des europäischen Gleichgewichts“, в его же книге: *Von der Reformation zur Gegenwart. Beiträge zu Grundfragen der neuzeitlichen Geschichte*, Paderborn 1988, S. 53-66; H. Duchardt, *Balance of power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700-1785*, Paderborn 1997; и: G. Livet, *L'équilibre européen de la fin du XV à la fin du XVIII siècle*, Paris 1976.

внутри международной системы как своего рода организующий механизм. Тем самым оно задавало основные ориентиры внешней политики для других европейских государств, а кроме того, вело к укреплению всей структуры международной системы и атлантического пространства в частности.

Атлантическое пространство, ставшее теперь органичной составной частью европейской системы государств, изменило её структуру – сложилась соответствующая иерархия, внутри которой выделились две стабильные группы из нескольких мировых держав: с одной стороны – Франция, Англия и Испания, занимавшие наиболее властные позиции в атлантическом пространстве; с другой – Россия, Австрия и Пруссия в качестве крупных, но большей частью континентальных образований, не имевших прямого доступа к атлантическому пространству. Мировой державой считалось лишь то государство, которое вело активную политику в обеих сферах – и в континентальной, и в атлантической, или же имело настолько большой вес в одной из них, что благодаря этому могло реализовывать свои политические интересы в другой. Неудивительно поэтому, что Голландия утратила свою власть в мировом масштабе: её позиции – как в континентальном, так и в атлантическом пространстве (в отличие от вест-индского!) были слишком ослаблены. К числу структурных признаков интегрированной европейско-атлантической системы государств следует также отнести различие между центральными зонами и периферийными, или фланговыми, силами. Эта мысль – основной тезис работы Людвиг Дегио «Равновесие и гегемония», в которой он утверждает, что для сохранения равновесия системы в пику континентальным притязаниям на гегемонию «на чашу весов» могут быть брошены новые противовесы из других, находящихся вне системы регионов³⁵.

Как же отреагировала международная политика на все эти структурные изменения в мировой системе государств? Здесь по-прежнему преобладала старая, хотя и несколько модифицированная, концепция о разграничении борьбы за власть в атлантическом пространстве (т. е. морских и колониальных конфликтов) с европейской политикой. В определенных обстоятельствах такое конфронтационное мышление могло привести к расколу европейского мира на две системы – атлантически ориентированную и континентальную. Следствием обострения этой политики была континентальная блокада Англии, длившаяся с 1806 по 1812 годы. Но в качестве новой модели поведения

³⁵ Dehio, *Gleichgewicht* (см. примечание 5), S. 229.

появляются попытки интеграции в межконтинентальную систему – посредством практики договоров, ориентации на равновесие в мировом масштабе³⁶ и уплотнения связей между метрополиями и трансатлантическими областями, как, например, это практиковали Англия и Испания³⁷. В процессе европеизации атлантического пространства ко всем коллизиям внутри мировой системы государств как следствие политических и общественных сдвигов, произошедших в эпоху революций³⁸, добавилась проблематика совершенно нового характера. С одной стороны, европейской государственной системе теперь противостоял независимый мир в лице образовавшихся после 1783 года по ту сторону Атлантики новых государств (штатов), которые отделились от своих европейских метрополий и постепенно превращались в конкурентную Европе силу. С другой – новые американские штаты, воспринимаемые с общественно-политической точки зрения как нечто гетерогенное, сохраняли значительную дистанцию по отношению к системе государств, основанных на династически легитимных старых монархиях. Таким образом, хотя «отдельные элементы и складывались в новый порядок вещей», как об этом писал в начале 19-го века Геерен³⁹, но в действительности эта складывавшаяся «мировая система государств» состояла из двух разделенных систем, которые упрощенно можно было бы обозначить как «Священный Союз» и «Доктрина Монро». Начинали появляться признаки особой, отмежевавшейся от Европы «Американской системы», в которой США взяли на себя роль державы-гегемона⁴⁰. В мировой политической системе после 1815 года между европейской системой государств и атлантическим пространством отношения сложились таким образом, что ведущая и направляющая роль группы из пяти европейских великих держав теряла свою силу на границе западного

³⁶ В качестве основы была взята концепция мирового равновесия Шуазеля (французский министр иностранных дел 1758–1770), ср.: „Mondiale Balance“, H. Gollwitzer, *Geschichte des weltpolitischen Denkens*, Bd. 1, Göttingen 1972, S. 243.

³⁷ Windelband, *Die Auswärtige Politik* (см. примечание 21), S. 174; P.K. Liss, *Atlantic Empires. The network of Trade and Revolution, 1713–1826*, Baltimore 1983.

³⁸ Движения за национальную независимость в странах Америки и перемены, вызванные Французской буржуазной революцией, при обзорном рассмотрении позволяют объединить их под общим названием “атлантической революции”; ср.: Gollwitzer, *Geschichte* (см. примечание 36), S. 253 ff.

³⁹ Handbuch, II (см. примечание 31), S. 409.

⁴⁰ Ср.: R.F. von Hase, *Lateinamerika als Konfliktherd der deutsch-amerikanischen Beziehungen 1890–1903*, Göttingen 1986, S. 513.

полушария. Концепция политического разделения европейской системы государств и атлантического пространства проявилась по крайней мере еще раз. Райн даже говорил по этому поводу о «попытке изолировать друг от друга части света»⁴¹. Но стремление к реставрации старого порядка было изначально как бы подточено изнутри тем, что признавало господство Великобритании – этой западной «фланговой державы» – в экономическом и политическом плане, а также в качестве блюстителя этого порядка. В итоге, как справедливо замечает Теодор Шидер⁴², система государств «державной Европы» представляла собой в ту пору «конечную форму европейской истории». Парадигма системы государств, европейское публичное право и дипломатия в качестве ее subsystem, равно как и действующая модель международного порядка, к которой вышеперечисленные системы принадлежали, по всей своей сути и специфике были евроцентристскими. Международный реставрационный порядок, основанный на традиционных властных и общественно-политических отношениях внутри европейской системы, уже не мог обеспечить подходящие рамки для охватывавших весь мир свободных экономических отношений. Монархическая солидарность и принцип равновесия с одной стороны и интересы промышленного производства и свободной торговли с другой оказались в неразрешимом противоречии по отношению друг к другу. Общество мировой интеграции в качестве субстрата международных отношений в 19-м веке вытеснило старую европейскую систему государств. Хотя политическое противостояние европейской системы государств и атлантического пространства, а также одновременное сосуществование политики межгосударственного разграничения и транснационального общества в ту эпоху пока еще было возможно. Стабильность системы государств и международный порядок, выстроенные на основе высокоразвитого экономического и правового европейского сообщества, все-таки обеспечивали и пока еще сохраняли в силе превосходство европейских держав в атлантическом пространстве. То же касалось и отношений с южноатлантической Африкой: после прекращения работорговли она была вовлечена в атлантическую систему – сначала благодаря установлению коммерческих отношений, потом – в процессе империалистичес-

⁴¹ A. Rein, "Die Gegenwartsbedeutung der kolonialen Expansion für das europäische Gefüge", в его же книге *Europa und Übersee* (см. примечание 23), S. 108 и сл.

⁴² *Probleme einer europäischen Geschichte*, hrsg. von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Vorträge G 192, Opladen 1973, S. 23 и сл.

кой колонизации⁴³. В этот «европейский век» атлантическое пространство продолжало предоставлять «обширную платформу» для скрытого и открытого империализма европейских держав⁴⁴. Более того: европеизация в наивысшей степени воплотилась в создании упорядоченного сообщества приобщившихся к цивилизации государств, целого культурного пространства, *community* (сообщества), превратившего Атлантику в *inland sea of Western Civilization* (во внутреннее море Западной цивилизации)⁴⁵. Кризис европейской государственной системы пришелся на эпоху глобального высокоразвитого империализма, наступившую на рубеже 19-го и 20-го веков. Появление в мировой системе государств неевропейских действующих лиц, таких как США и Япония, означало конец европейского периода в истории этой системы. Начиная с 80-х годов на атлантическую авансцену выходят США в качестве сильного политического противовеса, решающим образом повлиявшего также и на отношения внутри европейской системы государств⁴⁶. В Первую мировую войну европейская система государств потерпела крах, и одновременно закончилась эпоха параллельного существования двух различных политических систем по эту и по ту сторону Атлантики⁴⁷. Международная политика переориентировалась на глобальную систему, внутри которой произошла «атлантизация» европейского государственного порядка⁴⁸.

III. Первая мировая война стала исторически поворотным моментом для отношений между европейской системой государств и атлантическим пространством. Впервые великая держава, сформировавшаяся по ту сторону Атлантики, вмешалась в европейский конфликт и тем самым перешла границы

⁴³ Ср.: L. Harding, *Geschichte Afrikas im 19. und 20. Jahrhundert* (München 1999); *Weltregionen 2: Afrika. Geschichte und Gesellschaft im 19. und 20. Jahrhundert*, hrsg. von Inge Grau u.a., Wien 2000.

⁴⁴ X. Gizard, *Le colporteur des mondes, penser l'Atlantique en Europe*, La Tour d'Aigues 1996.

⁴⁵ Meinig, *The Shaping of America* (см. примечание 18), S. 65; понятие „Западная цивилизация“ вошло в обиход примерно в начале прошлого века: B. Kidd, *Principles of Western Civilization*, London/New York 1902, и: W. Cunningham, *An Essay on Western Civilization in its economic aspects*, Cambridge 1902.

⁴⁶ Kennedy, *Aufstieg* (см. примечание 8), S. 368 и сл.

⁴⁷ H. Holborn, *Der Zusammenbruch des europäischen Staatensystems*, Stuttgart 1955, S. 64 и сл.

⁴⁸ G. Barraclough, „Vom europäischen Mächtegleichgewicht zum Zeitalter der Weltpolitik“, в его же книге *Tendenzen der Geschichte im 20. Jahrhundert*, München 1967, S. 97-129, здесь: S. 108 и 111.

западного полушария. С точки зрения мировой политики все кризисы, случившиеся с середины 90-х годов 19-го столетия (венесуэльский кризис, кубинская война) между европейскими державами и Соединенными Штатами, были лишь локальными столкновениями, не выходящими за границы полушария. Причинами этих столкновений были обоюдные интересы в Латинской Америке, где пока еще доминировало европейское экономическое присутствие. Вступив в Первую мировую войну и начав заниматься «миром во всем мире», США тем самым переняли «британскую роль ведущей западной «фланговой» державы»⁴⁹ – сначала, правда, скрыто, пока господство европейских держав в Латинской Америке, Африке и Азии еще сохраняло накопленный потенциал. Но превращение США в мировую державу доказывало прежде всего тот факт, что «центральный признак»⁵⁰ американской политики (а именно – глубокое взаимопроникновение политики и экономики) стал определяющим для трансатлантических отношений в период между двумя мировыми войнами (что, в частности, нашло отражение во внешнеэкономической, репарационной, валютной, конъюнктурной политике и межальянсной политике по долгам).

Американская концепция мирового порядка, безусловно, конкурировала с соответствующей европейской. При этом перед новыми претендентами на господство в западном полушарии (которое теперь исходило с другого берега Атлантики) возникла старая политическая дилемма: разделение или интеграция, определяемые как изоляционизм или интервенционизм. И хотя, балансируя между этими двумя крайними точками, внешняя политика США имела множество различных нюансов и направлений, по своей сути она всегда так или иначе имела отношение к Европе и установлению власти и порядка в атлантическом пространстве. В зависимости от того, преследовали ли США свои собственные национальные интересы или же выступали в роли ведущего блюстителя международной стабильности⁵¹, речь соответственно шла либо о семи-изоляционизме, либо о гегемони-

⁴⁹ Kennedy, (Aufstieg см. примечание 8), S. 563.

⁵⁰ E. Forndran, *Die Vereinigten Staaten von Amerika und Europa. Erfahrungen und Perspektiven transatlantischer Beziehungen seit dem Ersten Weltkrieg*, Baden-Baden 1991, S. 33.

⁵¹ P. Rudolf, "Die unentbehrliche Ordnungsmacht. Die USA in der internationalen Politik nach dem Ost-West-Konflikt" : A. Zunker (Hrsg.), *Weltordnung oder Chaos? Beiträge zur internationalen Politik*. Festschrift zum 75. Geburtstag von Prof. Dr. K. Ritter, Baden-Baden 1993, S. 251 и сл.

альном или либеральном интернационализме. В европейском же лагере предпринимались попытки создать на развалинах старой системы государств противовес все более возрастающему атлантическому влиянию США, что проявлялось либо в виде старой модели союза государств (пример – объединенные государства Европы), либо же в попытке тоталитарного «сколачивания» Европы, так сказать, с позиции силы (пример – нацистская Германия и СССР). Такова была расстановка сил в период Второй мировой и последовавшей за ней холодной войн. Принимая участие в глобальных конфликтах – сначала с нацистской Германией, ставшей тогда центральной европейской державой (и с Японией в тихоокеанском регионе), затем – в конфликте двух систем (т. е. в противостоянии с восточной «фланговой» и мировой державой, которой был тогда Советский Союз), США превратились в активного мирового агента. Трансатлантические отношения вылились в идею международной солидарности, которая основывалась на общности политико-стратегических целей и принципов организации, а идеологически была подкреплена концепцией о цивилизованном сообществе, так называемом «атлантическом мире», сложившемся вокруг *mare nostrum*. Так возникла «тенденция к атлантизации» европейской политики. Основные стадии этого процесса вырисовываются достаточно ясно: к началу Второй мировой войны американская политика – при всей ее симпатии к западным державам – пока еще опиралась на принцип разделения сфер влияния между Атлантикой и Европой⁵². Курс на нейтралитет по отношению к Европе был продолжен на X Панамериканской конференции 1939 года (23 сентября – 3 октября), на которой декларировалось сохранение мира в границах зоны безопасности, расположенной в Западном полушарии. Ее ширина определялась в 600 морских миль, и располагалась она вдоль береговой линии южнее уже вступившей в войну Канады. Эта нейтральная зона, хотя и не была обоснована нормами международного права (как, впрочем, и испанская монополия в 16-м веке), все же соблюдалась ведущими войну державами. В связи с тем, что поддержка антигитлеровской коалиции администрацией Рузвельта усиливалась, в начале 1941 года американская зона безопасности была расширена до линии,

⁵² Лучшее введение в историю западного полушария: A.P. Whitaker, *The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline*, Ithaca 1954. К определению связи между панамериканизмом и системой американских государств: S. Hertrampf, *Panamerikanismus, Interamerikanisches System und die Organisation Amerikanischer Staaten*, Mainz 1994; а также: O.C. Stoetzer, *The organization of American States*, Westport/ Conn. 1993.

проходящей западнее Азорских островов, а после оккупации Исландии в июне 1941-го – и до ее географической долготы. Атлантическая хартия, провозглашенная в августе 1941 года (на борту линкора «Принц Уэльский», у берегов Галифакса), в которой были сформулированы политические основы для строительства «всеобъемлющей, долгосрочной системы безопасности», стала прелюдией к будущему основанию ООН и закладывала фундаменты послевоенного устройства мира⁵³. Союзнические отношения укрепились и стали новым структурным элементом атлантического пространства, особенно в период конфронтации двух систем и вообще всей расстановке сил, сложившейся во времена холодной войны. После Рио-де-Жанейрского пакта 1947 года и основания ОАГ (Организации Американских Государств) в 1948-м, в 1949 году было основано НАТО, в котором атлантические и другие имеющие право вступления страны объединялись для поддержания безопасности в североатлантическом регионе – вплоть до Тропика Рака и Средиземного моря. Границы Западного полушария таким образом растянулись до линии «железного занавеса», ставшего символом разделения биполярной мировой системы. На смену европейской политической системе пришла система атлантическая, и североатлантический договор 1949 года был «отражением новой политической реальности»⁵⁴.

Этот договор составил ядро атлантического сообщества, построенного на принципах тесного политического, военного и экономического сотрудничества, а также общей ориентации стран-партнеров на либеральную демократию и рыночную экономику.

По-другому складывалась ситуация в Южной Атлантике: на пике развития холодной войны существовала опасность превращения этого региона в отдельную сферу, причем расположенную по другую сторону проведенной разделительной полосы. В ходе завершающегося процесса деколонизации и в связи с революционными движениями в Африке и Латинской Америке возникла угроза того, что североатлантическая система безопасности геостратегически будет обойдена с южного тыла. Испугавшись такого развития событий, а также растущего потенциала своих политических противников, европейская часть атлантического сообщества встала под защиту более сильного американского партнера – хотя она и оставляла за собой определенные возможности для ведения самостоятельной игры как во

⁵³ Ср.: D. Brinkley, D. Facey-Crowther (eds.), *The Atlantic Charter*, London 1994.

⁵⁴ Holborn, *Der Zusammenbruch* (см. примечание 47), S. 170.

взаимоотношениях внутри Альянса, так и в своих отношениях со странами Третьего Мира и Восточной Европы, т. е., в отличие от атлантической части Африки и Латинской Америки, выступала в качестве субъекта мировой политики. Успех европейской интеграции был также достигнут во многом благодаря протекторату со стороны ведущей атлантической державы. И все же отношения между Атлантикой и Европой не были гладкими: существовала напряженность из-за разницы экономических и валютных интересов, споры из-за распределения задач и обязанностей при решении вопросов безопасности, разногласия по поводу особого места Франции внутри договора и определения концепции атлантического пространства⁵⁵. Общее стремление США к гегемонии внутри Альянса встречает сопротивление в лице европейского стремления к самостоятельности в вопросах безопасности и обороны (проблемы Западноевропейского Союза – ЗЕС – и проблемы Восточной и Центральной Европы). Усиление европейского вектора внутри Атлантического Альянса, по мнению Америки, должно было находиться под непрерывным американским контролем и лозунгом *NATO first* («НАТО в первую очередь»).

По окончании западно-восточного противостояния возникла необходимость построения нового порядка в международных отношениях, что привело к еще большему обострению внутренних проблем Альянса⁵⁶. Расширение Европейского Союза на восток, а также расширение НАТО вплоть до западной границы России потребовало основательной переориентации трансатлантических отношений. В изменившемся атлантическом пространстве и теперь уже неразделенной Европе встала задача замены биполярного порядка на порядок многосторонний, но ориентированный на два организующих центра – ЕС и НАТО. Как при этом сложится структура новой политической системы, пока неясно. В настоящее время существует альтернатива между симметрично выстроенными трансатлантическими отношениями, в которых ЕС играло бы роль самостоятельного агента, и полной «атланти-

⁵⁵ D. Artaud, "Le grand dessein de J.F. Kennedy: Proposition mythique ou occasion manquée?": *Rev. d'histoire moderne et contemp.* 29 (1982), S. 235-266.

⁵⁶ К вопросу о взаимоотношениях Европы и США после окончания конфликта между социалистическим и капиталистическим лагерями – нельзя не упомянуть следующие работы: M. Knapp (Hrsg.), *Transatlantische Beziehungen. Die USA und Europa zwischen gemeinsamen Interessen und Konflikt*, Stuttgart 1990; R. Calser (Hrsg.), *Transatlantische Partnerschaft. Perspektiven der amerikanisch-europäischen Beziehungen*, Landsberg am Lech 1997; *Die USA und Europa. Die atlantische Gemeinschaft im Spannungsfeld neuer Herausforderungen*, Politische Studien: Sonderheft 4, München 2000.

зацией» сообщества европейских государств как «партнеро-юниоров», признающих союзническую гегемонию США⁵⁷.

Что касается оценки сложившейся ситуации в политологической литературе, то там в последнее время все чаще можно встретить рассуждения о «хаосе»⁵⁸, «международной анархии»⁵⁹, «трансатлантической неуверенности»⁶⁰, и ясным остается лишь одно: с начавшимся в 1990 году исчезновением четкого биполярного противостояния в мировой политике ее дальнейшее развитие представляется непредсказуемым. Некоторые наблюдатели прогнозируют даже глобальное расширение НАТО под девизом «От Атлантики до Буга, от Арктики до Тибра»⁶¹, а США с их традиционно гегемониальными устремлениями при этом видят имперской супердержавой, стоящей во главе однополярной международной системы. Этой идее противостоят концепции европейских политологов, в которых выражается стремление изменить атлантическое сообщество в соответствии с новым глобальным перераспределением сил и новой экономической ситуацией и таким образом сделать его более широким, гибким и плюралистичным. В этой связи все большее распространение получает понятие *New Atlanticism* (Новый атлантизм)⁶². Но по эту и по ту сторону Атлантики его понимают по-разному: в Европе – как евро-атлантическое сообщество, в котором европейцы выступают как закрытый от внешних слияний и влияний, равноправный и способный к самостоятельному разрешению возникающих кризисных ситуаций партнер; в США – как системообразующий элемент и стратегическую основу для глобальной геополитики, в числе прочих задач которой – противостояние другим великим державам, таким как Китай, Россия, Индия и Япония. Особенно смелые идеи сторонников неонатлантизма простираются вплоть до

⁵⁷ К вопросу о новом атлантическом устройстве мира – ср.: J. Angerer (Hrsg.), *Sieghermacht NATO: Dachverband der neuen Weltordnung*, Berg am See 1993, и: J. Hippler, *Pax Americana: hegemony or decline*, London 1994; Z. Brzezinski, *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*, New York 1997.

⁵⁸ Ср.: Zunker, *Weltordnung oder Chaos?* (см. примечание 51).

⁵⁹ Н. Wassmund, «Neue Weltordnung und internationale Anarchie im Widerstreit»: *Neue Politische Literatur* 41, Frankfurt/Main 1996, S. 93–102.

⁶⁰ *Transatlantische Unsicherheit: die amerikanisch-europäischen Beziehungen im Umbruch*, hrsg. von B.W. Kubbig, Frankfurt/Main 1991.

⁶¹ W. Wallace, в: «International Affairs» 76 (2000), 3, p. 475–493.

⁶² L. Gutjahr, O. Ramsbotham, «Components of a New Atlanticism»: *Hamburger Beiträge zur Friedensforschung und Sicherheitspolitik* 57 (1991); K.D. Voigt, «Begründung eines neuen Atlantizismus. Von Partnerschaft zu euroatlantischer Gemeinschaft»: «Internationale Politik» 55 (2000) H. 3, S. 3–10.

планов создания глобального Атлантического союза, в котором растворятся и НАТО, и ЕС и к которому в конечном счете присоединится и Россия⁶³. Вокруг этого центра мог бы со временем – сначала экономически – возникнуть целый «суперконтинент под названием Трансатлантика»⁶⁴. В конце концов к нему бы присоединились Латинская Америка и весь южноатлантический регион, а экономическое и политическое первенство постепенно – как логическое следствие итогов обеих мировых войн – перешло бы от Европы к США. На сегодняшний день в данной ситуации неясной остается проблема так называемого трилатерализма или тригонализма. Удастся ли соединить в один треугольник интегрированную Европу и Латинскую Америку с ориентированной на всемирное господство американской системой – причем не только экономически, но также и политически? Или же получится так, что под эгидой свободного рыночного пространства удастся достичь лишь экономического слияния, но в плане международной политики и дальше будет сохраняться коллизия между двумя региональными системами безопасности – Атлантического Альянса и Интерамериканской – при том, что бразды правления будут по-прежнему в руках у США?

Сложившаяся таким образом геополитическая ситуация не имеет аналогов в мировой истории, что только усложняет положение исторической науки: сегодня она не может предоставить ни сколько-нибудь легитимного с научной точки зрения определения настоящего момента, ни прогноза на будущее.

Один американский историк считает, что существует некий «Атлантический парадокс»⁶⁵, заключающийся, собственно, в том, что Атлантический океан представляет собой в одно и то же время как пропасть, так и мост между Старым и Новым Светом. Эта парадоксальная роль просматривается на протяжении всей истории европейской системы государств и ее отношений с атлантическим пространством – что мы и попытались показать в данной работе на примере двух альтернативных концепций порядка: концепции разделения и интеграции. Концепция разделения, или изоляции, нашла отражение в притязаниях Испании на монополию мировой власти, в отделении заокеан-

⁶³ C.A. Kupchan, *Den Westen erneuern. Plädoyer für eine transatlantische Union: "Länder für deutsche und internationale Politik"*, Juli 1996, S. 793–803.

⁶⁴ H. Simon, M. Otte, *Transatlantica. Das atlantische Jahrhundert beginnt: "Internationale Politik"* 55 (2000), H. 3, S. 25–30.

⁶⁵ B.W. Labaree: *The Atlantic Paradox*, в его же кн. *The Atlantic World of Robert G. Albion*, Middletown, Conn. 1975, S. 195–217.

ских процессов от континентальной политики «Европейского концерта», в «Блестящей изоляции» Великобритании и США, равно как и в надгосударственных политических образованиях 19-го и 20-го веков, в политическом разделении мира после Второй мировой войны, в конце концов, в новейших сценариях будущего, где ведущую роль играет понятие «европейской твердыни». В качестве же примеров проявления интеграционной концепции можно вспомнить стремления к созданию трансатлантической империи, которые в свое время пытались реализовать Испания и Англия, перенесение принципов европейского порядка в международных отношениях на все атлантическое пространство или же вовлечение атлантического пространства в систему международного права сообщества европейских государств. Проявляется эта концепция и в моделях «мировых государственных систем», и в других основанных на партнерстве конструкциях будущего, но помимо этого – и в гегемониальных претензиях новейшего времени. Система государств, или система международных отношений, представляет собой организующие взаимосвязи между суверенными политическими единицами, находящиеся в процессе постоянного самовоспроизводства, которое выражается в образовании институтов на базе взаимодействия и организационных форм принципов свободной конкуренции и урегулирования конфликтов. Помимо равновесия сил, иерархии государств внутри системы, создания полюсов власти и гегемонии, к числу разделительных механизмов и структурных элементов международного порядка относятся также противоположные, но единые в своей противоположности процессы разделения и взаимного согласования, изоляции и интеграции, и характер этого порядка формировался со времен Эпохи Великих Открытий вплоть до наших дней как продукт взаимодействия между системой европейских государств и атлантическим пространством. При этом влияние атлантических процессов на мировую государственную систему в действительности намного больше, чем это представлено в традиционных исследованиях по истории государства и дипломатии. В любом случае эволюционно-историческая позиция, прослеживающая возникновение системы государств и историю трансатлантической экспансии как диахронический процесс, зачатки которого приходятся на Позднее Средневековье, в настоящее время полностью себя исчерпала. На основе концепции „пентархии“ (т. е. системы, структурированной господством пяти великих держав), которая наиболее активно развивалась в исторической науке 19-го века, а в своих началах опять же восходит к Средневековью, также невозможно сделать продуктивные выводы относи-

тельно взаимодействия атлантического пространства и европейской системы государств⁶⁶. При постановке самой проблемы и ее исследовании необходим синхронный и структурный подход, предусматривающий самые широкие границы и масштабы рассмотрения, ни в коем случае не ограниченные историей лишь одной или нескольких стран. Еще Фернанд Бродель и Жак Годжо, представители предыдущего поколения историков, говорили о необходимости создания такого подхода к исторической науке⁶⁷, который рассматривал бы атлантический мир так же, как принято рассматривать мир Средиземноморья, учитывая при этом системные отношения между атлантическим пространством и европейской системой государств как части глобальной структуры, в которой вершатся политические события и принимаются судьбоносные решения.

С немецкого перевел Ю. Комов
(перевод не авторизован)

* Замечанные опечатки исправлены

⁶⁶ G.Th. Mollin, *Internationale Beziehungen als Gegenstand der deutschen Neuzeit-Historiographie seit dem 18. Jahrhundert. Eine Traditionskritik in Grundzügen und Beispielen*: Loth/Osterhammel, "Internationale Geschichte" (см. примечание 1), S. 3-30.

⁶⁷ Braudel, *La Méditerranée...*, I, (см. примечание 12), S. 205; J. Godechot und R.R. Palmer, *Das Problem der Atlantik vom 18. bis zum 20. Jahrhundert* // "Universalgeschichte", hrsg. von Ernst Schulz (Köln 1974), S. 295-317. Также: *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche*, Bd. 5, Florenz 1955, S. 175-239.